

В. Ф. ГЕНИНГ, В. Е. СТОЯНОВ

(Свердловск)

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ УДМУРТИИ

(Камско-Вятское междуречье)

Археологические памятники Камско-Вятского междуречья, территории, входящей в настоящее время в основном в состав Удмуртской АССР, были известны в значительном количестве дореволюционным археологам. Благодаря усилиям А. А. Спицына (1893, Древности—1901, 1933), Н. Г. Первухина (1896), Ф. Д. Нефедова (1899) и ряда других исследователей было выяснено, что основная масса археологических памятников сосредоточена вдоль рек: Камы на юге, Чепцы на севере и Вятки на западе.

Степень археологической изученности этого края для своего времени была довольно высокой, хотя, кроме Зуевского могильника ананьинской эпохи и Ныргиндинского II могильника пясноборской культуры, нельзя назвать в достаточной мере широко и капитально исследованных памятников. Однако материалы больших раскопок А. А. Спицына были опубликованы сравнительно недавно (Древности... 1933).

Советские археологи А. П. Смирнов и С. Г. Матвеев в 20—30 гг. нашего века сосредоточили свое внимание главным образом на исследовании поселений в бассейне р. Чепцы, связывая их с предками удмуртского народа (А. П. Смирнов, 1928, 1952; Матвеев, 1928).

С 1954 г. и по настоящее время систематические исследования территории Удмуртии ведутся Удмуртской археологической экспедицией, организованной местным научно-исследовательским институтом и республиканским музеем.

В работах Удмуртской экспедиции принимали участие Антропологическая экспедиция Московского университета под руководством М. С. Акимовой и Кировский краеведческий музей. (Генинг, 1955 а, 1956 а, 1957, 1959 д).

В 1954—1957 гг. экспедицией был исследован район правобережья р. Камы на юге Удмуртии, а с 1957 г. основное внимание было сосредоточено на изучении памятников северной части республики в бассейне р. Чепцы. Повсюду в районах работы экспедиции стационарные раскопки памятников сопровождалась разведками путем сплошных поисков на всей территории (рис. 6).

Районы, исследованные Удмуртской экспедицией, непосред-

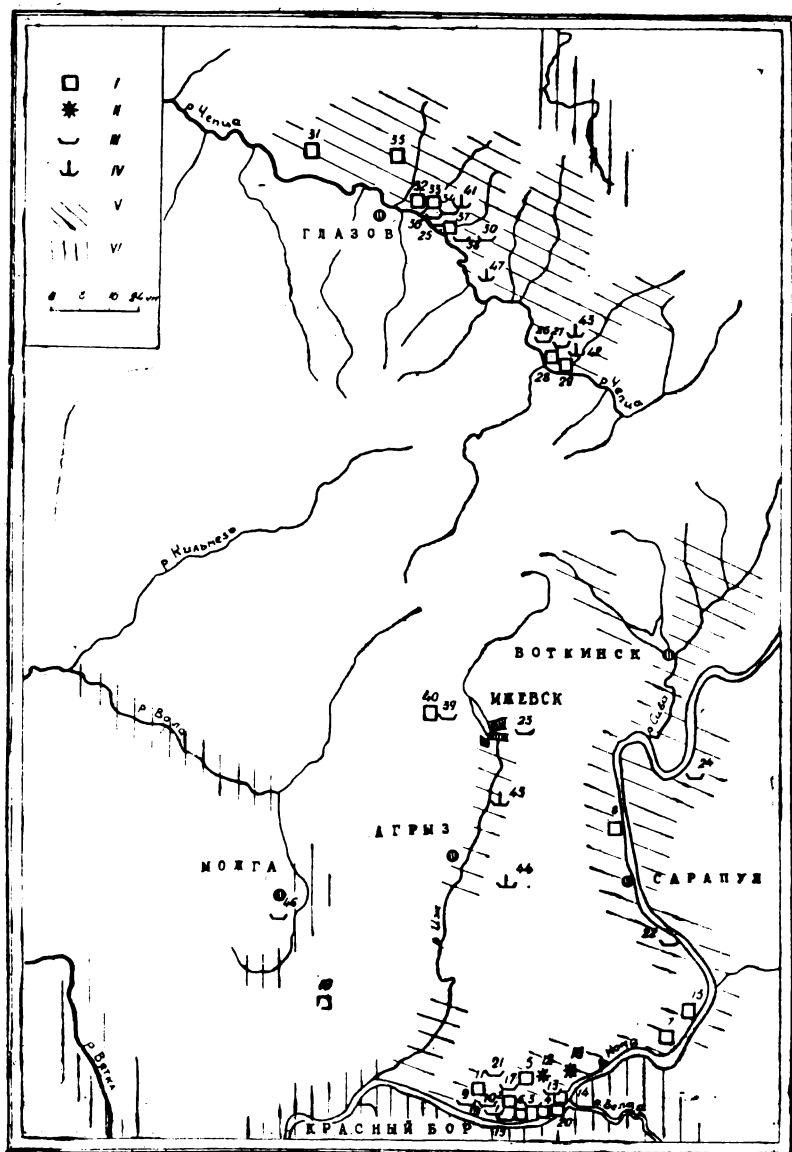

Рис. 6. Карта археологических памятников Удмуртии, подвергнутых раскопкам.

I — городище; II — селище; III — могильник; IV — поздний могильник; V — районы обследований Удмуртской археологической экспедицией; VI — районы обследования других экспедиций. **Ананьинская культура:** 1 — Муновский (Релка) могильник (Ф. Д. Нефедов, 1839); 2 — Верхне-Малиновское городище (А. А. Спицын, 1898; В. Е. Стоянов, 1957). 4 — Нырғындынское II городище (В. Ф. Генинг, 1954); 5 — Быргынди́нское II (Каменный Лог) городище (В. Е. Стоянов, 1957; В. Ф. Ге-

нинг, 1958); 6—Ныргындинское IV городище (В. Е. Стоянов, 1957); 7—Верхне-Машкаровское городище (В. Е. Стоянов, 1957); 8—Усть-Нечкинское городище (Л. А. Беркутов, 1913). **Пьяноборская культура:** 2—Верхне-Малиновское городище; 4—Ныргындинское II городище; 5—Быргындинское II (Каменный Лог) городище; 9—Пьяноборский I могильник (П. А. Пономарев, 1881; А. А. Спицын, 1887—1888); 10—Пьяноборский II (Муновский) могильник (Ф. Д. Нефедов, 1893); 11—Муновское II (Чертов Городок) городище (Ф. Д. Нефедов, 1893; В. Е. Стоянов, 1957); 13—Чегандинский II могильник (В. Ф. Генинг, 1954—1956); 14—Чегандинское I городище (В. Ф. Генинг, 1954—1956); 15—Ныргындинский II могильник (А. А. Спицын, 1898; В. Ф. Генинг, 1954); 16—Барановское I селище (В. Ф. Генинг, 1954); 17—Ныргындинский I могильник (А. А. Спицын, 1898; В. Ф. Генинг, 1954); 18—Кухтинское городище (В. Е. Стоянов, 1957). **Мазунинская культура:** 2—Верхне-Малиновское городище; 4—Ныргындинское II городище; 14—Чегандинское I городище; 18—Кухтинское городище; 19—Верхне-Утчанское городище (Г. Н. Потанин, 1882; А. А. Спицын, 1887); 20—Чегандинское II городище (В. Ф. Генинг, 1955); 22—Мазунинский могильник (В. Ф. Генинг, 1954—1956); 23—Ижевский могильник (В. Ф. Генинг, 1957); 24—Сайгатский могильник (В. Е. Стоянов, 1956); 21—Быргындинский могильник (В. Ф. Генинг, В. А. Семенов, В. Е. Стоянов, 1956). **Поломская культура:** 25—Адамовский (Мыдлань-Шай) могильник (В. Ф. Генинг, 1957—1958); 26—Поломский I могильник (П. Г. Тарасов и В. Д. Емельянов, 1906—1908); 27—Поломский II могильник (П. Г. Тарасов и В. Д. Емельянов, 1906—1908); В. Е. Стоянов, 1959; Г. Т. Кондратьева, 1960); 28—Поломское I городище (П. Г. Тарасов и В. Д. Емельянов, 1906—1908; В. Ф. Генинг и В. Е. Стоянов, 1957); 29—Поломское II (Гыркес-Шур) городище (В. Е. Стоянов, 1959); 30—Гординский могильник (М. С. Акимова, 1959). **Чепецкая культура:** 31—Кушманское (Учка-Кар) городище (А. П. Смирнов, 1930); 32—Солдырское I (Идна-Кар) городище (С. Г. Матвеев, 1926); 33—Солдырское II (Сабанчи-Кар) городище (С. Г. Матвеев, 1929); 34—Солдырский (Чем-Шай) могильник (И. Н. Смирнов и А. И. Износков, 1894—1902; С. Г. Матвеев, 1928; А. П. Смирнов, 1939); 35—Дондыкарское городище (А. П. Смирнов, 1928); 36—Адамовский (Бигер-Шай) могильник (А. П. Смирнов, 1928); 37—Весьякарское городище (В. Ф. Генинг и В. А. Семенов, 1957—1958); 38—Весьякарский (Бигер-Шай) могильник (В. Ф. Генинг и В. Е. Стоянов, 1957); 37—Чужьяловский могильник (С. Г. Матвеев, 1926); 40—Чужьяловское (Кереметь) городище (С. Г. Матвеев, 1926). **Поздние удмуртские могильники:** 41—Адамовский (Вуж-Шай) могильник, XVII—XVIII вв., (А. П. Смирнов, 1928); 42—Поломское I (Чабья-Шай) кладбище, XVII—XVIII вв. (И. Н. Смирнов, 1894; П. Г. Тарасов, 1906); 43—Поломское II (Данча-Шай) кладбище, XVII—XVIII вв. (И. Н. Смирнов, 1894; П. Г. Тарасов, 1906); 45—Балтачевское кладбище, XVII—XVIII вв. (М. С. Акимова, 1956); 47—Буринский могильник, XVI—XVII вв. (М. С. Акимова, 1959).

ственно соприкасаются с территориями, которые являлись объектами изучения других экспедиций: Камской (Воткинской) на востоке, вверх по р. Каме; Марийской на западе, по правобережью р. Вятки; Казанского филиала АН и Казанского университета на юге, по р. Каме и низовьям р. Белой. Это обстоятельство дает возможность рассматривать итоги археологического исследования Удмуртии на широком фоне общего состояния изучения истории древнего населения Прикамья.

Особенностью территории Удмуртии в археологическом отношении можно считать отсутствие памятников ранних эпох. До сих пор здесь не обнаружены памятники эпохи неолита и развитой бронзы, не говоря уж о более ранних.

1

В юго-восточных районах Удмуртии к эпохе поздней бронзы относятся Зуевская, Нырғындинская и Быргындинская стоянки, а также ряд случайных находок. В числе последних коротковислобоушный топор, характерный для местных культур (Збруева, 1957, стр. 45) и вислобоушные топоры фатьяновского типа, найденные на территории бывшего Сарапульского уезда. Из д. Сайгатки происходит обломок кельта турбинского типа. На Зуевской стоянке найдены кремневые орудия и, вероятно, оттуда же происходят бронзовые ножи, приобретенные А. А. Спицыным у крестьян. Перечисленные предметы могут быть датированы второй половиной и концом II тыс. до н. э.

Нырғындинская и Быргындинская стоянки дали комплексы керамики, которую можно разделить на три группы. Первую составляют обломки плоскодонных сосудов, близких к посуде нижнекамских стоянок. Фрагменты данного типа преобладают в коллекции с Нырғындинской стоянки (Генинг, 1958, рис. 15—9—13). Во вторую группу включены обломки сосудов, близких к посуде стоянок Луговская II и на Ананьинской дюне. Эти фрагменты сравнительно малочисленны в коллекции с Нырғындинской стоянки и единичны среди находок на Быргындинской стоянке. К третьей группе относятся обломки шаровидных сосудов, близких к сосуду из Маклашеевского II могильника и селище Отарка (Збруева, 1952, табл. XIV—2, стр. 262). Они абсолютно преобладают в коллекции с Быргындинской стоянки (рис. 7—1—4). Здесь же единично встречаются обломки сосудов, близких к посуде Касьяновской стоянки (Збруева, 1959).

Известны случаи, когда эти группы керамики встречались в нерасчлененном слое. Но они, несомненно, разновременны, что подтверждается раскопками Кумысской стоянки. Здесь погребения с сосудами маклашеевского типа прорезали слой поселения с керамикой первых двух типов. Если, как принято считать, бытование керамики первой группы ограничивается концом II тыс. до н. э. (Халиков, 1953), а керамика второй группы датируется XI—IX вв. до н. э. (Збруева, 1952, стр. 191), то третья группа сосудов, относящаяся к VIII—VII вв. до н. э. (Збруева, 1948, стр. 30), будет соответствовать по времени ранним ананьинским поселениям.

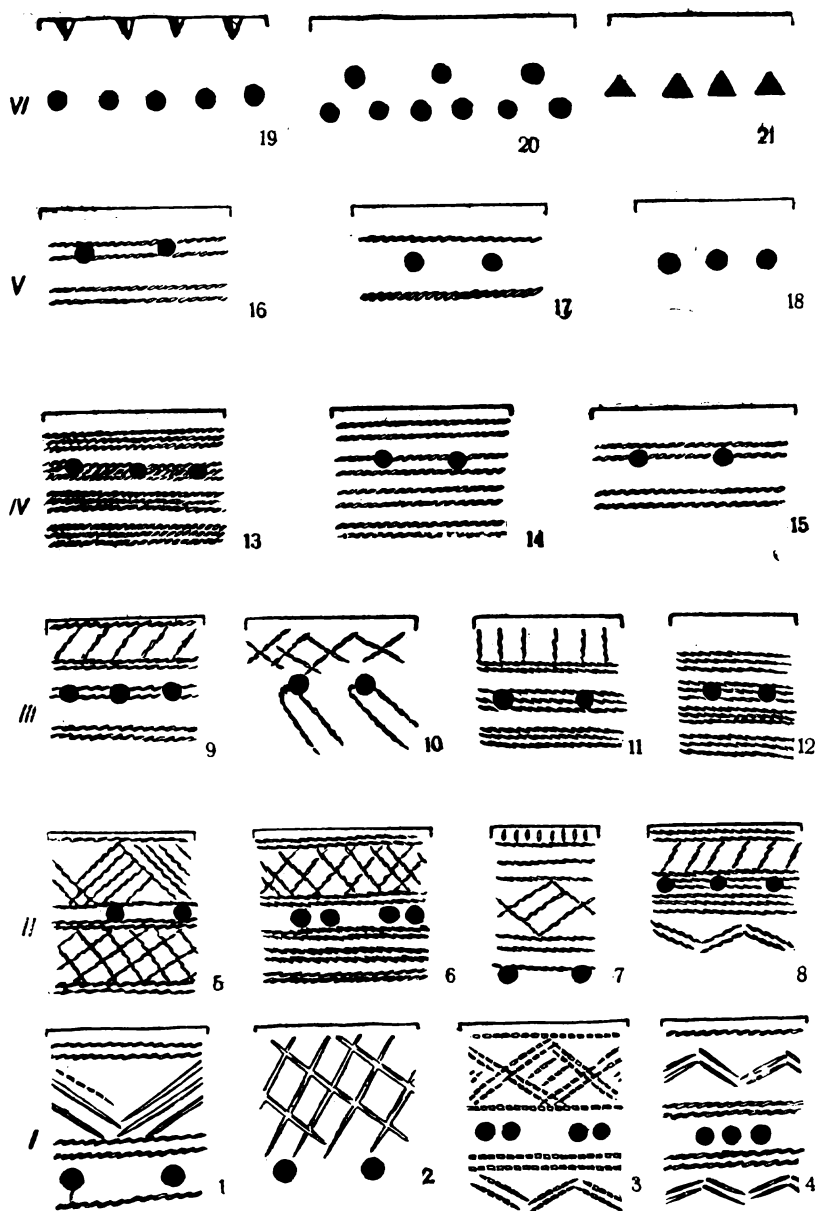

Рис. 7. Схема развития орнамента на керамике эпох поздней бронзы и раннего железа. I—эпоха поздней бронзы, II—V—ананьинская культура, VI—пьяноборская культура; 1—4—Быргындинская стоянка, 5—8—Каракулинская стоянка, 9—18—Быргындинское II (Каменный Лог) городище (нижний горизонт 9—12; средний горизонт 13—15; верхний горизонт 16—18), 19—21—городище Чеганда I.

Вероятнее всего, культура стоянок с керамикой маклашеевского типа послужила основой для сложения ананьинской культуры на юго-востоке Удмуртии. Древнейшим ананьинским поселением в этом районе является Каракулинская стоянка. В орнаментации каракулинских сосудов используется большинство старых мотивов (треугольники, ромбы, зигзаги, пересекающиеся линии), но выполнены они оттисками шнура (рис. 7—5-8). Часть сосудов по форме близка к маклашеевским и быргындинским, остальные представляют собой обычные ананьинские чаши. Если учесть, что слой стоянки прорезан погребениями ананьинского типа, относящимися ко времени не ранее VI—V вв. до н. э. (Генинг, 1958, рис. 18, 20), то стоянка может быть датирована временем не позднее VII в. до н. э.

При изучении ананьинских поселений удалось выделить три хронологических комплекса керамики. Основой для их относительной датировки послужила стратиграфическая последовательность напластований городища Каменный Лог.

Нижний горизонт городища, датируемый VI—V вв. до н. э., дает керамику в большей мере близкую каракулинской. Ее характерные черты: валик по шейке сосуда, косые и крестообразные оттисками шнура (рис. 7—9-10). Подобную же керамику содержит ананьинский слой Верхне-Машкаровского городища. Характерная черта орнаментации керамики среднего горизонта — густые многорядовые оттиски шнура (рис. 7—13—15). Его вероятная дата V—нач. IV вв. до н. э. К этому времени относится возникновение Юньгинского I, Галановского, Ныргындинского II, Юшковского, обоих Усть-Нечкинских, Яромасского и Верхне-Малиновского городищ. Для керамики верхнего горизонта показательно отсутствие орнамента или его обеднение: редкие оттиски парного шнура, круглые ямки (рис. 7—16—18). Этот комплекс датируется IV—нач. III вв. до н. э. К этому времени относятся Больше-Малиновское, Ныргындинские I и II, Обуховское, Зуево-Ключевское I, Юньгинское II, Сухаревское городища и селище Каменный Лог.

Характерной для керамики ананьинских поселений юго-востока Удмуртии является ямочно-шнуровая орнаментация, не имеющая никаких иных включений в узор. Эта орнаментация последовательно развивается от стоянок эпохи поздней бронзы до поселений пьяноборской культуры (рис. 7).

Ананьинские памятники юго-восточной Удмуртии (Генинг, 1958, рис. 17) не составляют какой-либо обособленной группы и должны быть объединены с рядом памятников на соседних территориях, где наблюдается совершенно аналогичное развитие орнаментации керамики. Границы этого варианта ананьинской культурной общности проходят: на западе — до р. Вятки, включая ее нижнее течение, на востоке — до устья р. Сивы, у пристани Сайгатка и на юге — до низовий р. Белой.

Только по правобережью р. Камы от Сайгатки до устья Вятки выявлено в настоящее время 33 ананьинских поселения и до десятка могильников и местонахождений. Несколько меньшее чи-

сло памятников обнаружено по левобережью Камы и в низовьях р. Белой.

На основании стратиграфической шкалы развития орнамента-ции керамики, полученной по материалам городища Каменный Лог, удалось проследить, что во второй половине ананьинской эпохи население постепенно концентрируется в сравнительно небольшом районе на Каме, у устья р. Белой. Эта консолидация небольших родоплеменных групп завершается в III в. до н. э. возникновением постоянного племенного союза пьяноборской культуры. Аналогичный процесс наблюдается и в других областях: в Среднем Прикамье возникает осинская культура, в Верхнем — гляденовская.

В настоящее время известно 120 памятников пьяноборской культуры, расположенных на весьма ограниченной территории, имеющей в поперечнике не более 100 км. Памятники пьяноборской культуры: городища Чеганда I и Ныргында II, Барановское селище, могильники Чеганда I, Ныргында I и II, Уяндык, — подверглись широкому исследованию, что позволило получить достаточно полное представление об истории древнего населения района Бельского устья на данном этапе развития (Генинг, 1959 а).

Как известно, некоторые археологи выступают против разделения памятников послеананьинского времени Прикамья на две или три археологические культуры (А. П. Смирнов, 1957, 1957 а, 1961). Но после того, как удалось достаточно четко установить наличие трех территориально обособленных групп памятников, отражающих процесс выделения из общей массы ананьинских племен своеобразных в культурном и этническом отношении групп, споры вокруг данного вопроса уже не имеют принципиального значения. Безусловно, между тремя группами прикамского населения существовала большая близость в культуре, а вероятно, и в языке, что позволяет объединять их в одну прикамскую культурную общность послеананьинского времени.

На рубеже II и III вв. н. э. в Прикамье вливается мощная волна угорских и тюркских племен из-за Урала. На территории южной Удмуртии с этими событиями связано появление памятников мазунинской культуры (Генинг, 1958, 1959).

В настоящее время известно шесть мазунинских могильников (Мазунинский, Сайгатский, Быргындинский, Ижевский, Нивский и Сарапульский) и более двух десятков поселений. Они расположены по правому и частично по левому берегу р. Камы, от с. Сайгатки на востоке до р. Иж на западе, а также в низовьях р. Белой. Самые ранние из них следуют непосредственно за памятниками позднего этапа пьяноборской культуры: среди поздних погребений пьяноборского могильника Ныргында I известно мазунинское погребение. Слой с мазунинской керамикой на ряде многослойных поселений (городище Чеганда I, Верхне-Малиновское и др.) перекрывает пьяноборские остатки. Исследованные мазунинские памятники можно датировать III—V вв. н. э.

Мазунинская культура характеризуется следующими чертами: грунтовые могильники без внешних признаков; погребения, как

правило, расположены рядами (Ижевский и Сайгатский могильники) или компактными группами (Мазунинский могильник); прямоугольные могильные ямы. Погребаемые укладывались в деревянные гробовища или реже в каменные ящики вытянуто на спине головой на СВ или СЗ. Характерно наличие жертвенных комплексов в изголовье. Некоторые украшения (пояса, иногда гривны) находятся в погребениях не там, где они обычно носились. Поселения с очень незначительным культурным слоем различны по площади и организации оборонительных сооружений. Характерными мазунинскими предметами можно считать овалы фибулы со стилизованными изображениями бабочек, круглые бляхи из раковин, плоские железные браслеты, ожерелья из крупных бусин, перемежающихся спиральными проволочками, височные подвески в виде кольца со стержнем из тонкой часто перевитой проволоки и бусиной на стержне. Посуда круглодонная, плохого обжига, с растительной, мелкораковинной и песчаной примесью в глине. Венчик украшен насечками, реже заплатами, под венчиком полоски овальных и круглых ямок (рис. 8—2—6, 8, 9).

Такую керамику дает основная масса памятников мазунинской культуры. Поселения на юге по берегам Камы и Белой часто содержат еще две группы керамики: обломки грубых, украшенных круглоямочным наколом бахмутинских сосудов (рис. 8—7) и обломки плоскодонных грубых сосудов тураевского типа (рис. 8—1, 10). Подобное сочетание различных типов керамики особенно характерно для территории Башкирии (Сальников, 1958; Генинг, статья в настоящем сборнике).

Необходимо отметить достаточно резкие отличия мазунинских памятников от бахмутинских, проявляющиеся и в погребальном обряде, и в материальной культуре. Для Бахмутинского могильника характерны трупоположения, вытянутые на спине головой на В и З, с сосудами в изголовьи, у ног и на груди. Там же часто встречаются зооморфные подвески (А. Смирнов, 1957, стр. 50), которых нет в мазунинских памятниках. Бахмутинский могильник не знает мазунинских фибул и блях из раковин, достаточно резко различаются поясные наборы.

Для бахмутинских поселений характерны жилища-полуземлянки, а в мазунинском слое Верхне-Малиновского городища обнаружены остатки наземных жилищ.

Резко отличается также керамика. Присутствие в некоторых поселениях керамики бахмутинского типа, причем в незначительном количестве, не дает еще никакого основания считать данные памятники бахмутинскими.

Процесс формирования населения мазунинской культуры был довольно сложным. Одна из групп пришлого населения, этническим отличием которого мы считаем фибулы в виде бабочки (племенной тотем?), разгромила пьяноборский союз племен, население которого бежало на запад (азелинская культура). Но значительная часть пьяноборского населения была поглощена пришельцами, что хорошо видно по развитию орнамента мазунинской керамики, где продолжают употребляться все те же ямки и насеч-

ки по венчику. На юге в состав мазунинского населения вошли отдельные группы бахмутиных и тураевских племен.

Вопросы происхождения, развития и взаимосвязи мазунинских поселений и могильников лишь поставлены. Неясна судьба мазунинского населения после V в. н. э., до сих пор плохо выявляются памятники позднее этого рубежа. Может быть, эту позднюю группу составляют поселения, концентрирующиеся вокруг Нивского могильника в бассейне р. Сивы и ряд малых городищ в других районах мазунинской территории. Такое изменение времени и площади городищ после V в. установлено в ломоватовской культуре (Генинг, 1955, стр. 120).

2

В III в. н. э. заселяется бассейн р. Чепцы. В развитии материальной культуры населения этого района прослеживается последовательная преемственность. В настоящее время выявлено две группы памятников: поселения и могильники III—IX вв. относятся к поломской культуре, памятники IX—XV вв. — к чепецкой (Генинг, 1959). Полмская культура делится на два периода, ранний — III—V вв. и поздний — VI—IX вв.

К раннему периоду относится Полмское II (Гыркес-шур) городище и ряд других памятников, сближающихся с названным

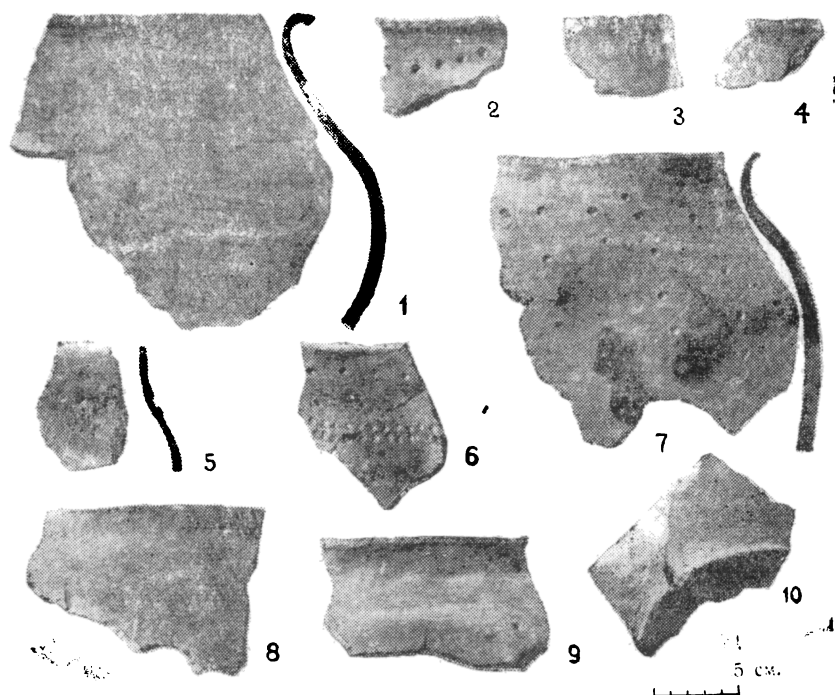

Рис. 8. Городище Чеганда I. Фрагменты сосудов мазунинской культуры.

по размерам и системе укреплений. Это значительное по площади поселение (13.600 кв. м), укрепленное двумя массивными валами и рвами. По краю поселения размещались жилища. Изучены остатки пяти жилых построек, представляющих собой прямоугольные наземные срубные сооружения шириной 5,5 м. Центральную часть дома занимал очаг на массивной глиняной вымостке с камнями и галькой. Рядом с очагом — небольшие и неглубокие ямы — кладовки.

Сосуды городища круглодонные, с примесью толченых раковин в глине. Преобладают чаши с загнутым внутрь краем. Почти у половины сосудов поверхность заглажена гребенчатым штампом; большинство из них орнаментировано оттисками некрупного гребенчатого штампа в виде зигзагов, горизонтальных, наклонных и вертикальных линий. Орнаменты, включающие шнуровые и другие элементы, украшают около четверти сосудов. Венчики в большинстве случаев покрыты оттисками гребенчатого штампа.

Из других предметов следует упомянуть обломок железного ножа с долом, шестигранный костяной наконечник стрелы, медный круглопроволочный браслет, железный черешковый наконечник стрелы с пипами, костяное мотыгообразное орудие.

Анализ коллекции Поломского I могильника позволяет выделить ряд комплексов, относящихся к раннему периоду. Это погребение 80, датируемое по аналогиям с предметами из погребений харинского этапа ломоватовской культуры III—V вв. (Генинг, 1958) и еще несколько, менее богатых захоронений с вещами не позднее VI в. (погребения 15, 77, 81, 98, 118). В коллекции Н. Г. Первухина есть отдельные предметы, которые также можно датировать указанным временем (Первухин, 1896). К этому же времени относится височное кольцо, случайно найденное на территории Поломского II (Красная Горка) могильника.

Отсутствие в бассейне р. Чепцы памятников предшествующего времени заставляет искать предков ломовского населения в соседних районах. В. А. Обориным была выдвинута в свое время гипотеза о том, что удмуртская народность сформировалась на основе пьяноборских племен, а коми народность сложилась на базе глыбовских племен (Оборин, 1956 а). Лишь с незначительными поправками эту точку зрения продолжает отстаивать указанный автор и сейчас (см. статью в настоящем сборнике).

По материальной культуре к раннеполомским памятникам наиболее близки поселения типа Осинского городища на р. Тулве (Генинг, 1959). Очень близка по форме, обработке поверхности, узорам и технике орнаментации глиняная посуда Осинского и Поломского I (Гыркес-шур) городищ. Сходны конструкции домов и очагов из глины и камней. Аналогичны и другие предметы.

Ни с какими другими памятниками Прикамья рубежа нашей эры происхождения чепецкого населения связывать нельзя. Пьяноборские племена в III—V вв. заселили Волго-Вятское междуречье, где их памятники под именем азелинской культуры (Генинг, 1958, 1959) хорошо изучены и имеют достаточно четко прослеживаемые

различия с памятниками синхронной полумской культур. То же самое следует сказать и в отношении мазунинских племен. Все эти три группы древнего населения появились на занимаемых ими территориях одновременно.

Нельзя также рассматривать полумскую культуру, как дальнейшее развитие гляденовской или хотя бы одного из ее вариантов, как это делает В. А. Оборин (см. статью в настоящем сборнике). В своем стремлении объединить всю территорию Среднего и Верхнего Прикамья в единую гляденовскую культуру указанный автор выделяет до шести локальных групп, причем большинство их, кроме гляденовской и осинской, представлено 2—3 поселениями, относящимися или ко времени формирования культур рубежа нашей эры (Махонинское городище), или к эпохе переходной к следующим культурам (Очерская, Обвинско-Гаревская и Косьвинская группы).

Единая гляденовская культура, по мнению В. А. Оборина, включала племена, говорившие на обще-коми языке. И уже совершенно не ясно, каким же образом тогда из коми-языка появился удмуртский язык племен полумской культуры? Скорее всего можно допустить, что обособление диалектов пермского языка племен аваныннской культурной общности в период сложения пъяноборской, осинской и гляденовской культур положило начало формированию различных языков пермской группы: удмуртского — в осинском союзе племен, коми-пермяцкого — в гляденовском и какого-то третьего, возможно, до нас не дошедшего, — в пъяноборском союзе.

Вопрос о разделении коми языка, если такой единый язык когда-то существовал, требует специальных исследований. Достаточно веских данных о происхождении коми-зырян от племен гляденовской культуры у нас пока не имеется. Движения осинского населения или его части на р. Чепцу связано с появлением на р. Тулве новых пришлых племен, оставивших здесь компактную группу поселений, содержащих в слое керамику, близкую бахмутинской (Оборин, 1960, стр. 48).

К следующему этапу полумской культуры относятся Полумское I (Каравалес) и ряд сходных городищ. Городище Каравалес представляет собой небольшое поселение (3000 кв. м), укрепленное массивным валом и рвом. У края поселения вскрыто одно жилище. Это прямоугольная наземная постройка в виде сруба размерами 11—12×5 м. Внутри дома находится очаг на массивной глиняной вымостке, ограниченной несколькими крупными камнями. За очагом по продольной оси жилища расположена большая прямоугольная яма-кладовка. Сосуды, собранные на городище, круглодонные, грубые. Следов заглаживания поверхности гребенчатым штампом нет. В глине примесь толченых раковин. Преобладают формы с широкой горловиной. Около одной трети сосудов орнаментировано. Орнамент по схеме тот же, что и на раннем этапе, но гребенчатые оттиски крупнее и грубее, венчики украшены насечкой и оттисками гребенчатого штампа.

Датировка городища VI—IX вв. подтверждается дирхемом

Хосроя II, найденным в 1885 г. К этому времени относится также ряд могильников: Поломский I и II, Гординский, Адамовский (Мыдлань-Шай). Погребения, как правило, одиночные; парные встречаются крайне редко. Располагаются погребения плотными рядами. Могильные ямы крупные, прямоугольные, с отвесными стенками. Захоронения производились в деревянных гробовищах. Обряд захоронения устоявшийся: погребаемых укладывали вытянуто на спине головой на север. В гробовищах в изголовьи стоят сосуды глиняные, деревянные, железные и медные. В сосудах изредка встречаются костяные ложки, под сосудами — шилья, костяные гребни и раковины каури. Украшения в погребениях лежат там, где они носились при жизни, орудия труда и оружие — рядом с костяками. Частой находкой на дне могил (в гробу) являются ребра и крестцы, а в засыпи — черепа коровы или лошади. Бывают случаи перекрывания и нарушения ранних погребений более поздними, реже встречаются вводные погребения.

Металлические и некоторые другие предметы из полумских поселений и могильников имеют много аналогий в ломоватовской культуре. При всем этом можно отметить ряд четких различий между этими культурами. Различны по конструкции жилища. Четко различается городищенская и погребальная керамика (рис. 10). В ломоватовских погребениях нет металлических сосудов и костей животных. Полумские комплексы почти не знают коньковых и арочных шумящих подвесок, зооморфных подвесок и культовых фигурок. Характерными украшениями, употреблявшимися населением бассейна р. Чепцы уже с VIII—IX вв. н. э., являются шумящие подвески с треугольной, умбоновидной и восьмеркообразной основой, полуовальные и эллипсоидные бляхи, разделенные перегородкой на два треугольника. Наиболее часто эти предметы встречаются в чепецких комплексах X—XII вв. (А. П. Смирнов, 1959, стр. 233—234). Здесь же следует отметить височные украшения из четырех длинных цепочек, завершенных спиральными подвесками. Названные предметы единичны или совсем не известны на ломоватовской территории.

В IX—X вв. полумская культура перерастает в чепецкую. Это прослеживается по материалам могильников. На площади Восьякарского (Бигер-шай) могильника есть погребения и предметы конца VIII—начала IX вв. Но основная масса погребений и находок датируется по монетам X—XII вв. Различий в погребальном ритуале между разновременными погребениями нет. Это же характерно для могильников Чем-шай и Адамовского (Бигер-шай) у г. Глазова.

На Восьякарском городище, которое относится к IX—XII вв., выделяются четыре стратиграфических горизонта. Два верхних, относящихся к XI—XII вв., содержат остатки трех разновременных жилищ. Наиболее раннее лежит в основании второго горизонта. Это близкая к четырехугольнику песчаная вымостка с глинобитным очагом в центре. Более позднее жилище, залегающее над первым, имеет размеры 5×4,6 м., северная часть дома занята глиняной вымосткой, в центре которой расположен пря-

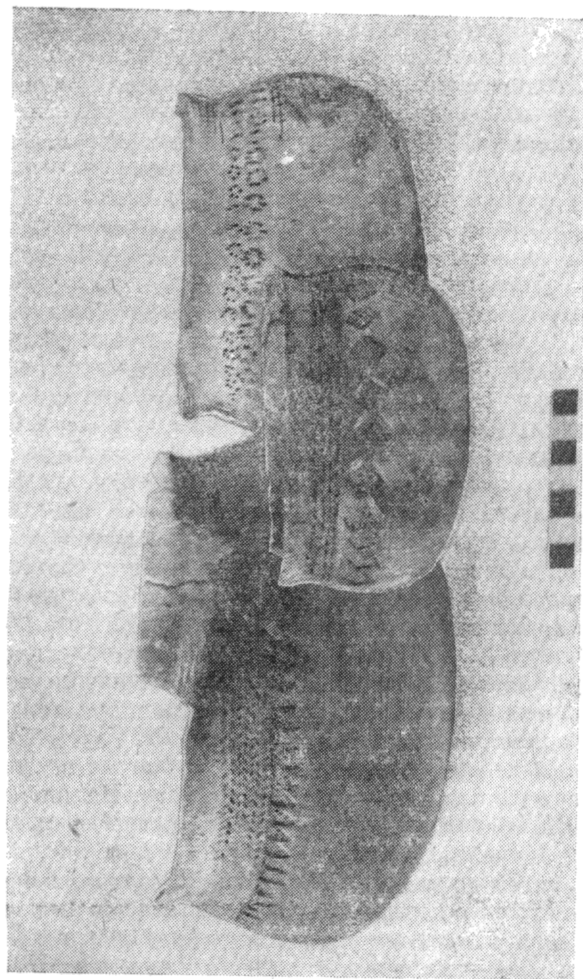

Рис. 9. Сосуды из Поломского (Красная Горка) могильника.

моугольный, ранее ограниченный деревянной рамой очаг. Южную часть занимали деревянные нары (рис. 10—1). Выше залегают остатки третьего, позднего жилища иной конструкции. Его пол покоился на нескольких массивных столбах. Ширина дома 3,6 м; длину установить не удалось. В западной части дома находился четырехугольный глинобитный очаг, ограничивавшийся деревянной рамой. Жилище очень близко к некоторым постройкам Дондыкарского городища (А. П. Смирнов, 1928, стр. 190).

Все жилища сооружены в одном месте, одно над другим, через некоторый промежуток времени. Очевидно, это остатки одной усадьбы. Скромные размеры построек свидетельствуют о том, что

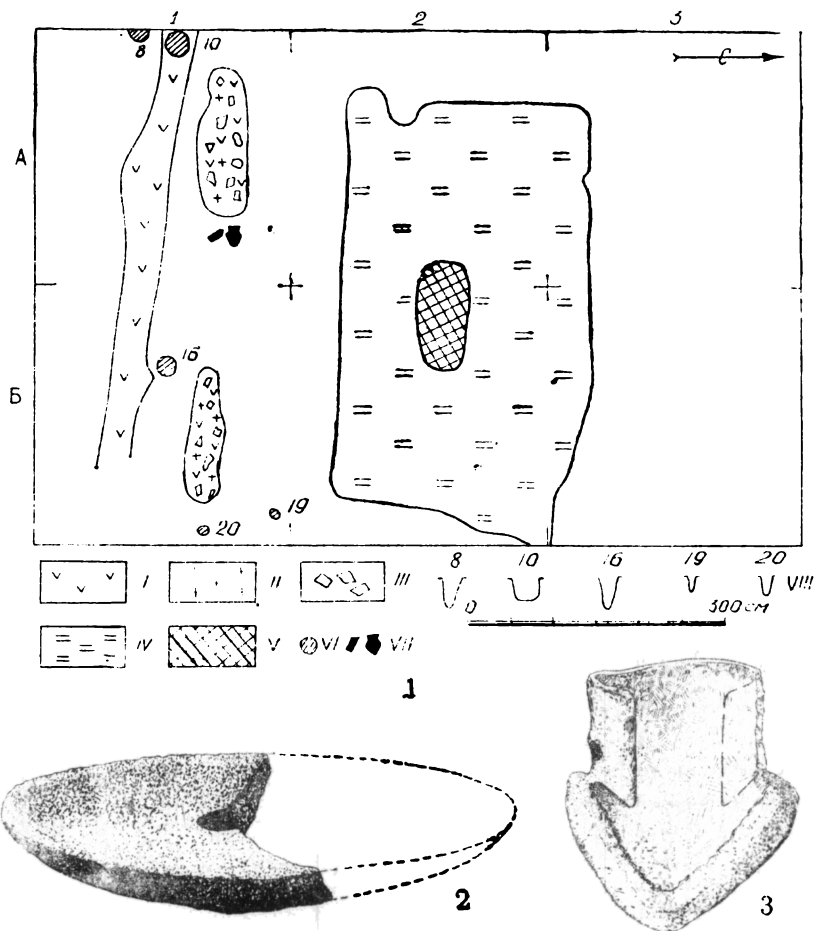

Рис. 10. Чепецкая культура. 1— План остатков жилища Весьякарского городища. I— зола, II— уголь, III— камни, IV— глина, V— прокаленная глина, VI— очертания столбовых ям, VII— находки ральника и молотка в жилище. 2— Обломок жернова с Весьякарского городища. 3— Ральник с Весьякарского (Бигер-Шай) могильника.

в подобных домах жили малые (моногамные) семьи. Последняя к тому времени выделяется из состава патриархальной большой семьи и ведет самостоятельное хозяйство. Показательно, что в жилище второго горизонта в том месте, где были нары, найден ральник и молоток (рис. 10—1).

Развитие плужного земледелия, документированное рядом хорошо датированных находок, явилось причиной значительных перемен в хозяйстве чепецкого населения в IX—XII вв. Древнейший известный здесь жернов происходит с Поломского I (Каравалес) городища и датируется самое позднее IX в. Ральники, подобные весьякарскому, найдены на Дондыкарском и Иднакарском городищах вместе с монетами X в. (А. П. Смирнов, 1952, стр. 235). На Весьякарском (Бигер-Шай) могильнике обнаружен ральник (рис. 10—3) и рядом с ним английское серебряное пенни Кнута (1015—1036 гг.). На Весьякарском городище некрупный каменный жернов (рис. 10—2) находился в слое, синхронном второму жилищу. На Дондыкарском городище обнаружены зерна ячменя, ржи, овса, полбы, пшеницы. Там же изучены большие ямы-кладовые, связанные, несомненно, с хранением зерна (А. П. Смирнов, 1952).

Следующий этап чепецкой культуры (XII—XV вв) характеризуется материалами городищ Идна-Кар и Кушманского (А. П. Смирнов, 1952, стр. 237). Могильники этого времени не изучались.

В Удмуртии неоднократно исследовались также поздние могильники XVI—XVIII вв., давшие не только весьма ценный антропологический материал (Акимова, 1959), но и важные сведения о погребальном обряде, позволяющие установить преемственность в развитии местного населения.

По археологии Удмуртии накоплен большой новый материал, который необходимо в ближайшее время ввести в научный оборот. Следует также продолжать систематические полевые исследования памятников, включая как разведки, так и стационарные раскопки. В последнем особое внимание надо уделить памятникам позднего этапа чепецкой культуры, непосредственно предшествовавшего присоединению Удмуртии к русскому государству.
